

О НОРМЕ И ПАТОЛОГИИ

В нынешнюю постмодернистскую эпоху философы и склонные к философствованию публицисты любят рассуждать о том, что граница между нормой и патологией не просто подвижна, но часто исчезает. То, что ранее казалось нормой, со временем становится патологией, и наоборот. Последнее верно. В первобытном обществе каннибализм, например, считался нормой, но уже много столетий не только не одобряется общественным мнением, но и является уголовно наказуемым. Принципы и нормы политики, в том числе политики международной, тоже меняются, хотя и медленно.

Важно и другое. То, что стало нормой для евроатлантической цивилизации, в Азии подчас считается если не патологией, то слабостью, которой не грех воспользоваться. Как писал когда-то певец британского империализма и просто очень умный человек Редьярд Киплинг, «к востоку от Суэца десять заповедей не существуют». В его знаменитом стихотворении *Мандалай*, откуда взята эта строчка, рефреном повторяются слова о заре, что «как гром приходит из-за моря, из Китая». И ведь верно — алеет Восток, господа...

Юрий Федоров

ГЛАЗАМИ КОНСЕРВАТОРА: У НАДКОЛОТОГО КОРЫТА МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Наконец-то стало понятно, что наступили новые времена. О том, что времена действительно новые становится понятно, если даже мельком взглянуть на *облако тэгов*, которое характеризует сегодняшние глобальные политические и экономические процессы.

Причем раньше многие думали, что новые времена наступят только в политике, причем будут реализовываться где-то далеко — в тех уголках мира, которые не очень-то затрагивают классического *европейского человека*. Да, поначалу именно так и было. Но теперь *ветер перемен* перекинулся уже на экономику, причем на те ее элементы, которые, казалось бы, были вечными и незыблемыми и считались атрибутами респектабельной личности, которая в качестве ответа на вопрос о своей профессии отвечала: «А я *типа* по бизнесу...»

И даже внезапный террористический акт в Бостоне, ставший совершенно уникальным явлением по числу нестыковок, натяжек и просто вранья в официальной версии, не изменил стратегического направления на приоритет экономики в международных отношениях, а как следствие, и в вопросах международной безопасности.

Так что, говоря о международной безопасности, мы будем все чаще и чаще говорить о мировой экономике, которая получает и силовое измерение. И это становится настолько неприятным контрастом по сравнению с 1990-ми гг. и даже с началом XXI века, когда только и говорили про *гуманитарные проблемы* и *общечеловеческие ценности*, что это невольно пробуждает ностальгию даже у самого циничного комментатора.

НАЗАД К МАРКСИЗМУ?

Думать, что глобальная перестройка системы международных отношений ограничится политическими катаклизмами в периферийных зонах мира, было большой ошибкой. Эта ошибка произрастала из забвения непреложной истины: политика есть концентрированное выражение экономики. Иными словами, если где-то начала меняться политика, то надо было быть очень наивным человеком, чтобы

Ы
Р
О
С
С
Е
Ц
О
Р
П
Х
Ы
В
О
Р
И
М

не догадаться, что где-то уже изменилась экономика, просто нам об этом не сказали. Тем более наивным надо было быть, чтобы не заметить явной экономической подоплеку в событиях на Ближнем Востоке последних двух лет, а также того, что центр глобальных геополитических изменений находится не где-то в *третьем мире*, а в непосредственной близости от Европы, — в Средиземноморье. Увы, вероятно, нас ждут серьезные потрясения не только политического, но и экономического характера, причем даже в странах благословенного *первого мира*, а не только в странах *полуторного* — пресловутой группе *PIGS*.

Пока, конечно, рано говорить обо всех основных чертах новой экономической реальности, но кое-что очевидно:

- переход кризиса глобальной финансовой системы в открытую фазу, причем *открытый огонь* появился именно в последние полгода, максимум, восемь месяцев;
- ограниченная, хотя и становящаяся все более системной, возвратная индустриализация США, несмотря на общее сохранение постиндустриальной структуры общества. И это тоже характерная черта ситуации в последние полгода, хотя ее пока и связывают в основном лишь с восстановлением роста промышленности;
- оформление Германии в ключевую геоэкономическую силу, которая способна обеспечивать свои интересы, в том числе вопреки ранее сложившимся формальным и, тем более, неформальным реалиям. Это фактически самая новая тенденция, ставшая явью уже в 2013 г.;
- попытки изменить сложившуюся в середине 1980-х гг. структуру глобального топливно-энергетического рынка, предотвратив резкий рост спроса на классические углеводороды;
- существенная активизация региональных экономических объединений. Эта тенденция, правда, обозначилась еще в начале 2012 г. и пока не получила нового импульса.

Взятые в целом данные тенденции рисуют нам картину нарастающего нового динамизма в экономике. Однако в результате становится понятно, откуда в 2011 г. взялся динамизм в политике, в том числе в политике силовой. Более того, понятно, что этот динамизм в ближайшие годы, вероятно, на спад не пойдет. Поскольку в *экономической повестке дня* стоят три ключевых процесса, которые не смогут обойтись без политического, в частности силового, сопровождения:

- (1) демонтаж существующей глобальной финансовой системы, включая, вероятно, изменение валютного режима в Европе (по-простому говоря, отказ от *евро*) и демонтаж системы социального и пенсионного обеспечения в США;
- (2) окончательное оформление *четырёхуровневого* членства в Евросоюзе (естественно, с разным уровнем экономического стандарта), после чего выяснится, что голос Германии и, возможно, Франции совсем не равен голосу Румынии, Болгарии и, тем более, Эстонии. Да и есть ли в действительности у Эстонии голос? Вот Кипр тоже думал, что есть, а оказалось — нет и, вероятно, никогда не было;
- (3) выведение сферы энергоносителей из классических экономических рамок *свободного рынка*, возможно, с введением жесткого *международного* контроля над данным сектором.

Разумеется, пока речь не идет о демонтаже американоцентричной системы мировой экономики. Напротив, в тактической перспективе, чтобы не говорили российские *геополитики*, она только укрепляется. Но в сегодняшних условиях это всего лишь означает, что американская военная сила останется основой

так называемых *гарантий глобальной стабильности* и все страны, включенные в *пояс стабильности*, будут продолжать платить дань за пользование ею. Конечно, кровопускание, все более обильное за пределами *пояса стабильности*, будет продолжаться. Но вот внутри американоцентричной глобальной экономической системы расстановка сил вполне может существенно измениться. И уже сейчас понятно, за счет кого это изменение, по всей видимости, произойдет — за счет Великобритании, которую Вашингтон для спасения своей глобальной гегемонии будет вынужден, вероятно, принести в жертву. Кстати, следующим кандидатом на роль *жертвы*, если *пояс стабильности* не удастся *застабилизировать*, будет, вероятно, Саудовская Аравия.

КИПР КАК ПРЕДЧУВСТВИЕ

Интересность ситуации на Кипре с точки зрения глобального расклада не в том, что *раскулачили* российских инвесторов: рано или поздно это должно было произойти. Хотя прецедент административного определения границ дозволенного благосостояния, особенно для *некоренных жителей первого мира, понаехавших* в европейские города в последние двадцать лет, будет еще долго будоражить умы общественности.

Наиболее очевидным последствием является то, что в дальнейшем для стабилизации европейской, а затем, возможно, и глобальной финансовой системы будут применяться все более жесткие методы.

Еще более очевидно, что развитие ситуации вокруг Кипра жестко выводит оффшоры из списка допустимых, с точки зрения мирового сообщества, форм и методов ведения бизнеса, притом что оффшорные компании более 40 лет были важной составной и вполне уважаемой частью мировой экономики. К тому же именно оффшорные зоны в последние 20 лет сыграли решающую роль в установлении жесткого контроля со стороны США над финансовыми потоками из бывшего СССР, которые имели, мягко говоря, мутное происхождение. Такой канал для движения финансов будет сложно чем-то заменить.

И самое важное, что Германия, очевидно, в дальнейшем не будет связывать себя *условностями* предыдущего времени в отношениях с партнерами. В ЕС как-то странно забыли о происхождении Ангелы Меркель (а она там такая теперь не одна), а зря. В ГДР, в отличие от ФРГ, гораздо слабее был выражен навязанный немцам *комплекс исторической вины*. И это будет иметь политическое, и, возможно, военное-политическое значение. Потому стоит готовиться к повышению агрессивности поведения Германии как в Европе, так и за ее пределами. А значит, нам следует ожидать и определенного кризиса в отношениях между Германией и европейскими институтами, в первую очередь по финансовым вопросам.

Конечно, в запасе у Еврокомиссии с учетом существенно усилившихся там восточных европейцев всегда есть ответный ход — активизация деятельности на просторах постсоветского пространства под лозунгом помощи *неоперившимся* демократиям, однако на этот вариант явно нет денег, и не будет еще лет десять. Тем более что элиты постсоветских государств менее прожорливыми не стали, разве что в Молдавии, да и то сомнительно.

Другой, гораздо более сильный и перспективный ход — оживление идеи *европейской оборонной идентичности*, вопрос о которой уже лет десять как был снят с повестки дня. С учетом того что по периметру Евросоюза, особенно с Юга (да и с Юго-Востока) уже виднеется зарево вооруженных конфликтов, акцентирование проблем безопасности как основы общеевропейской повестки дня будет выглядеть вполне оправданным, и вполне может быть поддержано европейским общественным мнением. Будет очень захватывающим зрелищем, как в этом случае германская элита попытается защитить свои финансовые и политиче-

ские интересы, поскольку европейская оборонная идентичность будет формироваться на деньги немцев, но вряд ли Германии достанется в ней доминирующая роль.

Иными словами, нам стоит начать усиленно готовиться к тому неприятному обстоятельству, что Европа в том виде, как мы ее знали в последние двадцать с лишним лет, все-таки перестает существовать. То есть почти игрушечные домики в туристических городках останутся, но за их стенами может начаться совсем другая жизнь, да и хозяева, думаю, поменяются. И для России это является существенным вызовом и в экономике, и в политике.

КРИЗИС ГАЗПРОМА КАК КРИЗИС РОССИЙСКОЙ ГЕОПОЛИТИКИ

Как-то очень незаметно в российском газовом гиганте разразился кризис. И дело тут не в сказанных жестким голосом поручениях президента разработать стратегию в отношении сланцевого газа, хотя такая критика в любой другой стране привела бы к массовым трагедиям в сообществе топ-менеджеров соответствующих структур. Дело в общем отсутствии какого-либо положительного развития в крупнейшей мировой монополии и утраты ею казавшихся незыблемыми экономических и геополитических позиций.

Почему мы рассматриваем экономические проблемы одной из российских компаний в качестве проблемы национальной и даже международной безопасности? Это не вопрос бюджетных поступлений, это вопрос системной роли Газпрома в государственных делах. Газпром выполнял геополитическую функцию, а сейчас выполнять перестал, потому что оказался неадекватен новым реалиям. Газпром в России заменил армию, внешнюю политику, внешнеэкономическую деятельность и многое другое, включая Российский футбольный союз. Он почти заменил правительство и был не прочь заменить и президента, но не успел — произошла *рокировка в тандеме*, и наступили несколько иные времена.

Политика и состояние Газпрома фактически отражают видение Россией своего текущего места в мире и своего будущего. И вряд ли будет ошибкой сказать, что Газпром активно это видение формировал.

И вот теперь выясняется что политическая концепция, под которую выстраивалась вся содержательная линия Газпрома, исчерпала себя. Причем по всем направлениям:

- как манифестация определенного — европейского — геополитического выбора, следовать которому становится все более проблематично. И дело тут не только в постепенном превращении Украины в *диковатое поле*, сколько в существенном падении возможностей России оказывать эффективное влияние на Европу через *газовые* рычаги;
- как проявление нарастающего сырьевого характера российской экономики. Показательно, что Газпром даже в лучшие годы в отличие от нефтяников и не пытался хоть как-то проявить себя в обрабатывающих отраслях промышленности и высоких технологиях;
- как проявление приоритетного и привилегированного характера деятельности российских госкомпаний, которым (вернее, руководству которых) за выполнение определенных и вполне понятных и резонных функций разрешались максимальные вольности в поведении.

Очень показательно, что кризис Газпрома начался именно в тот момент, когда в Евросоюзе зародились серьезнейшие процессы, связанные с перестройкой всей системы управления этим объединением, и, как следствие, всей идеологии развития. Иначе говоря, не изменение расклада на рынке углеводородов, связанное с появлением пресловутого сланцевого газа, стало тому причиной, а именно

изменение характера внутренних связей и управления в крупнейшем партнере России и Газпрома. Но ведь *европейский выбор* был основой российской внешней политики с 1991 г. и лишь риторически прикрывался разговорами о некоем *стратегическом партнерстве* с КНР, которое пока реализовалось преимущественно на вещевых рынках (хотя надо признать, что и тут появились некие отрадные симптомы) и в сфере военно-технического сотрудничества. И это государство, а не группа топ-менеджеров сделало Газпром главным внешнеполитическим инструментом страны, испортив, где можно и где не нужно, отношения на постсоветском пространстве.

Таким образом, нынешний кризис Газпрома может быть преодолен исключительно через пересмотр всей геоэкономической и геополитической стратегии государства. Тем более что с учетом последних событий в Европе и мире это все равно придется делать, чтобы спасти хотя бы часть *нажитого непосильным трудом*. Главное, чтобы *геополитику* Газпрома не сменила *геополитика* Роснефти.

УГО ЧАВЕС КАК ВЕСТНИК БУДУЩЕГО

Смерть Уго Чавеса стала событием, которое было диспропорционально роли Венесуэлы в мире и реальному значению экономических достижений боливарианского социализма. Конечно, в данном случае большую роль сыграла *магия* личности, однако дело не только в этом. Главным здесь было понимание того, что команданте стал источником одной из наиболее значимых геоэкономических инициатив последнего времени.

Говорят, что смерть этого человека принципиальным образом изменит судьбу боливарианской идеи. Понятно, что Николас Мадуро вряд ли сможет даже претендовать на роль ее главного выразителя, особенно после весьма скромной победы на выборах. Но, думается, что ситуация более сложна и стратегически неоднозначна.

В конечном счете Уго Чавес выпал из активной политической жизни уже где-то за год до смерти и вряд ли мог оказывать действительно большое влияние на судьбу тех процессов, которые некогда инициировал. И тем не менее боливарианская инициатива развивалась, несмотря на явные признаки кризиса на рынке энергоснабжателей и, как следствие, в экономике Венесуэлы. В связи с этим риском высказать три суждения:

- ❑ главной проблемой боливарианского проекта в последнее время стал кризис развития. Ему, очевидно, нужен был новый лидер и новые ресурсные возможности. Но при живом Уго Чавесе появление нового лидера было невозможно ни по объективным, ни по субъективным соображениям: на фоне команданте все остальные лидеры Латинской Америки, даже очень сильные, выглядели бледновато. Теперь это возможно;
- ❑ Уго Чавес, и в этом плане стоит признать силу его интуиции, *угадал* потребность региона в новой форме объединения, которая еще не была полностью осознана рационально. Он занял в этом процессе первое место, которое вряд ли было заслуженным, с точки зрения реального экономического и политического веса страны, но не смог сформулировать его экономические основы, сконцентрировавшись лишь на проблеме топливных ресурсов;
- ❑ уход команданте вместе со свойственной его поведению экзотикой, возможно, прибавит боливарианскому проекту респектабельности, ведь именно личность Чавеса, его эмоциональность и перехлестывавший через край популизм (хотя вообще-то нет ничего дурного в том, чтобы обращать внимание на настроения общества) оттолкнули от проекта очень многих. В результате, как ни цинично звучит, смерть Уго Чавеса как

человека окажется в целом позитивным для дела Чавеса, поскольку его идеи не будут *смазываться* в дальнейшем его же экзотическим и чрезмерно радикальным поведением.

Что до Соединенных Штатов, то, лишившись главного раздражителя, они с гораздо большим трудом смогут формировать негативный контекст вокруг Венесуэлы и вокруг боливарианского проекта в целом. Да, конечно, привести к власти в Каракасе своего ставленника было бы желательно, но это не такой уж и приоритет, как раньше. К тому же умные люди в США прекрасно понимают, что реальный экономический центр развития боливарианского процесса из Каракаса уже ушел (не исключаю, что в Бразилию), а там остался только духовный. А с бесплотными духами США, несмотря на все свои недостатки, никогда не воевали.

Хотя надо быть реалистом: рано или поздно, по мере обострения потребности в имеющихся в регионе топливных и иных ресурсах со стороны внешних сил (уже сейчас можно говорить о системном интересе к региону со стороны КНР) боливарианская инициатива просто обязана обрести военно-политическое измерение. Тогда она станет реальной геополитической силой, а в противном случае будет выхолощена либо вовсе уничтожена.

Другой вопрос, что со смертью Уго Чавеса никуда не денутся те вызовы, которые неожиданно для американцев возникли в Латинской Америке в момент, когда в остальном мире еще никто даже не помышлял о самой возможности размывания их геополитической гегемонии. И любые геополитические телодвижения при наличии в *мягком подбрюшье* Америки скрыто враждебного процесса являются очень рискованными. И Вашингтону придется искать на это ответ, а не продолжать относиться к Латинской Америке в духе 1960-х гг.

Нельзя не отметить и другой аспект: Уго Чавес смог успешно идеологически, а затем и политически противопоставить коллективное сознание индивидуализированному, опираясь на народное волеизъявление, а не на политические технологии или интриги. Хороший урок для российской элиты, которая боится одного блогера больше, чем населения средней величины промышленного города. А происходит это потому, что кремлевские правители не могут, не умеют и не хотят опираться на широкие социальные слои. Пример Уго Чавеса доказал, насколько это может быть эффективным, в том числе и для собственного выживания.

СЕВЕРКОРЕЙСКИЙ ГАМБИТ

Внешне ситуация с северокорейским ядерным *гамбитом* совершенно ложится в модель относительного недостатка политического мастерства у нынешнего северокорейского руководства. Казалось бы, задумка очень неплоха: под прикрытием ура-патриотических лозунгов спровоцировать кризис и провести точечную зачистку несогласных с генеральной линией партии. Однако сделано все это было как-то грубовато. В действиях Ким Чен Ына не было той утонченности, того восточного завораживающего цинизма, с которым подобные трюки проделывали его отец и дед.

В результате, получилось слишком много шума и слишком много невыполнимых обещаний, которые существенным образом снизили эффективность действий Пхеньяна. Как это ни странно, главная проблема северокорейского режима оказалась как раз в сфере коммуникаций и восприятия: Ким Чен Ын хотел, чтобы его воспринимали как *взрослого*, и переборщил...

Короче говоря, первый блин у молодого северокорейского лидера вышел почти комом, хотя и в этой ситуации во внутриполитическом плане это может стать *плюсом*. Во всяком случае доказано, что с мобилизацией масс проблем у молодого *великого вождя* нет. К слову, то, как *молодой* Ким откровенно форсировал внешне-

политический кризис, говорит о том, что внутривнутриполитическая ситуация у него была крайне острая.

Однако и в данном случае важно отметить несколько крайне характерных моментов. **Во-первых**, всерьез перепугалась большая часть критиков Пхеньяна. Те люди, которые еще пару недель назад говорили, что у северокорейского режима *за душой* ничего нет, кроме голодающего населения, признали, что у северокорейского руководства *таки есть* кое-что, способное сделать жизнь Южной Кореи и тех, кто еще попадет под *горячую руку*, болезненной. Важное признание, которое при определенных условиях может стать залогом дальнейшей стабильности в регионе.

Эксперты расходятся во мнении, сколько этого *таки есть* имеется у Пхеньяна на деле, а сколько он достаточно убедительно имитировал, но новое качество северокорейских силовых возможностей признано всеми, хотя некоторыми российскими комментаторами — с изрядной долей удивления.

Во-вторых, и это очень важно, первым перепугался Пекин, который даже совершил так нетипичные для себя действия, в частности перемещения войск. То есть даже в Поднебесной, которая, как считается, имеет влияние на Пхеньян, были не до конца в этом влиянии уверены. Это к вопросу о том, стоит ли глядеть на КНДР глазами наших китайских друзей.

В-третьих, уж кто подыгрывал Ким Чен Ыну до самого последнего момента, когда это стало совершенно не приличным, так это США. Если бы не США и их искусственно озабоченная реакция, то, возможно, большая часть произошедшего продолжала бы рассматриваться как скверный анекдот. К тому же отмена испытания баллистической ракеты с формулировкой *чтобы не раздражать Пхеньян* выглядит вообще откровенным панегириком вождю КНДР, признанием за ним глобального потенциала. Понятно, что в действительности дело было в технических проблемах, но выбор формулировки очень и очень показателен.

В-четвертых, Южную Корею, конечно, жалко — она является единственным проигравшим в данной ситуации. В отличие от Ким Чен Ына, который поднял на уши полмира, у Сеула так бы не получилось, даже если сложить вместе все произведенные южнокорейскими фирмами смартфоны и планшеты. Мораль: не в них дело, особенно в современном мире.

Завершая обсуждение данной темы, предположу, что нынешний кризис на Корейском полуострове не последний. В конечном счете лучше всего дружится после хорошей драки, а дружить двум Кореям все же придется.

В ПОСЛЕДНИЙ РАЗ О ПРО

Странная активность вокруг противоракетной обороны в последние месяцы подтверждает ту нехитрую мысль, что американская ПРО в Европе была лишь предлогом для реализации в металле наработок США в этой области применительно к защите своих объектов и регионов за относительно разумные деньги. Последнее особо ценно в период всеобщего *затягивания поясов*: вряд ли Барак Обама решился бы на продвижение проекта, который укрепляет обороноспособность неких союзников, местоположение которых средний американский конгрессмен и не назовет.

И прошу обратить внимание, как цинично и красиво вышли США из политически щекотливой ситуации — это был высший пилотаж не только дипломатии, но и внешнеполитической пропаганды.

Что до России, то теперь уже ясно — она своей не вполне адекватной реакцией подыграла американским планам: якобы полноценной ПРО в Европе не будет не потому, что ее там и не должно было быть, а потому, что Россия возражает. Уди-

вительное все же у нас умение помогать другим выходить из тупиковых состояний и при этом самим оказываться в странном положении.

Действительно, никогда еще позиции России по ПРО не были столь слабы, как сейчас. Главная слабость заключается в том, что после уступки Вашингтона России оказалось не о чем вести переговоры. В то же время в глубине ума мы понимаем, что для подрыва российского потенциала ядерного сдерживания (это в том случае, если на ракету еще раньше не поставили *паленую* деталь) вариант размещения ПРО на Аляске гораздо неприятнее, нежели *польский* или даже *румынский*.

С другой стороны, нынешний формат ПРО США, в отличие от европейского варианта, дает более адекватное представление о том, что же собираются делать американцы в области противоракетной обороны.

Первое. Соединенным Штатам было в принципе все равно, где разместить ударный компонент своей ПРО. Им, вероятно, гораздо важнее было его произвести, развернуть и начать апробировать в режиме текущего постоянного функционирования.

Второе. Очевидно, что долго ожидаемый технологический прорыв в области ПРО, о возможности которого говорили многие специалисты в России и на Западе (включая меня), у американцев не состоялся. Да, ПРО стала более оперативной, более защищенной, но подлинной революции не случилось. Иными словами, вкладываться *по полной* в такую систему смысла нет — она не создаст *Крепость Америку*.

Третье. Бюджетные ограничения, конечно, явно имеют определенное влияние на программу ПРО, но не такое большое, как это можно было бы себе представить, изучая американские СМИ.

Четвертое. Сила американского варианта ПРО состоит в том, что противоракетные *кусты*, по сути, защищающие объекты, могут быть при желании и наличии ресурсов интегрированы в относительно единое пространство. Конечно, это не будет полноценной противоракетной обороной континентальной части США, но такие функции будут ей присущи. А главное — против одиночных ракет даже такой вариант будет адекватным.

Пятое. Без развертывания полноценного космического эшелона, включая ударный компонент, ПРО национальной США территории невозможна. И все же США в рамках существующих научно-технических и бюджетных реалий сделали максимум. И хотя не все геополитические задачи были выполнены, а Польша вообще осталась в глубокой обиде — этот раунд, безусловно, пошел в зачет Вашингтону.

Резюмируя, можно сказать, что сегодня у США в области ПРО есть некое *количество* систем и технологий, но нет нового *качества*. А без нового качества строительство *Крепости Америка*, увы, невозможно и будет отложено. В какой-то мере России сейчас повезло. Но к тому времени, как США будут готовы трансформировать *количество* в *качество*, а случится это, думаю, через 4–6 лет, России было бы очень неплохо нормализовать ситуацию в ракетно-космической отрасли и продемонстрировать, что она не только способна говорить о новых типах ракет, но и реально их производить.

СИРИЯ: СМЫСЛ ТРАГЕДИИ

Ситуация в Сирии приобрела характер *застойной мясорубки*, которая практически не имеет теперь шансов на политическое урегулирование. Классическая победа одной из сторон также вряд ли возможна, скорее речь идет о перспективе глобального побоища. Какой-то из сторон сдаваться в общепринятом смысле уже поздно — слишком много крови пролито. Причем во вполне вероятном варианте победы оппозиции речь пойдет о возникновении исламистской охлократии с весьма агрессивными намерениями, поскольку к моменту возможного ее прихо-

да к власти пограбить в некогда процветающем государстве будет уже буквально нечего. А *политическая оппозиция*, судя по всему, останется в Париже и Лондоне, поскольку в самой Сирии их никто и ничего хорошего уже ждать не будет.

Абдулазиз Сагер (Саудовская Аравия), председатель Исследовательского Центра Залива — по электронной почте из Дубая: Противостояние власти и оппозиции в Сирии оказывает главное деструктивное влияние на состояние безопасности на Ближнем Востоке. Дипломатия оказалась здесь бессильной. Переговоры между представителями режима Башара Асада и повстанцами маловероятны. Сирийский кризис будет разрешен не за переговорным столом, а на поле боя.

Конечно, такого рода *пат* более выгоден, безусловно, оппозиционным силам, даже если они и не смогут добиться прямого вовлечения НАТО в конфликт. Сравнительно успешно сопротивляясь властям, они демонстрируют их неэффективность и слабость. И в этом плане, боюсь, Башар Асад начал повторять ошибку Муаммара Каддафи, который понадеялся на то, что оппозиция устанет, и *пропустил удар*. В условиях относительного равенства сил сторон и нарастающей ожесточенности достаточно лишь относительно слабого толчка, чтобы власть, вроде бы уверенно стоящая на ногах, упала.

В этом плане коренной ошибкой сирийского президента было то, что летом прошлого года он не решился бросить все силы на уничтожение оппозиционного анклава в Алеппо, а попытался на волне относительного успеха в *битве за Дамаск* расширить свой контроль над страной. Конечно, до двоевластия дело не дошло, но это дало возможность оппозиции перевести дух и сохранить костяк своих вооруженных формирований. Мораль: добивать упавшего противника нужно обязательно и обязательно делать это жестко.

Идейный смысл войны в Сирии в значительной мере утрачен — речь о демократии там уже не идет, поскольку в оппозиции доминируют радикальные исламистские элементы и *марионетки* саудитов. Кажется, она раздувается региональными и европейскими силами во многом из опасения, что все эти *борцы за свободу*, будучи выдвинутыми из Сирии, продолжат сражаться в *местах постоянного проживания*. И, думаю, это будет не Египет, не Пакистан и не Ливия — там, в конечном счете, уже *не интересно* ни с политической, ни с финансовой точки зрения. Они поедут в Европу и, может быть, в Саудовскую Аравию, к тому же значительная часть этой публики либо является гражданами этих государств, либо допущена на их территорию по тем или иным причинам.

Британцы со свойственным им цинизмом об этом заявили прямо и четко, все остальные предпочитают помалкивать. Хотя последние выбивающиеся из общей пропагандистской канвы заявления ряда американских ведомств об угрозе порожденного сирийской *мясорубкой* исламского экстремизма заставляют задуматься о масштабах возможного в будущем бедствия.

В данном случае, однако, возникает вопрос о *следующей жертве*. Конечно, вариант того, что в жертву будет принесена Саудовская Аравия, никто не отменял. Тем более что в США и, особенно, в Европе у власти находятся люди, *охочие* до чужих денег, ведь в случае возникновения серьезного внутреннего конфликта капиталы навсегда останутся в американских и европейских банках и в недвижимости.

Есть и альтернативный вариант, он называется Израиль. Кстати, интересны сообщения о том, что ХАМАС стал ориентироваться на Катар и Саудовскую Аравию. Боюсь, очень неслучайно.

РОССИЙСКАЯ АРМИЯ: А ВСКРЫТ ЛИ НАРЫВ?

Снятие почти с позором А. Э. Сердюкова с поста министра обороны вызвало вздох откровенного облегчения у всех наблюдателей. Конечно, сейчас можно дискутировать о том, сделал ли он вообще что-то верно и не следует ли его показательно посадить, однако главное сделано — влияния на ситуацию в Вооруженных силах он не будет оказывать никогда. А уж где он при этом будет находиться — вторичный вопрос.

Конечно, приход С. К. Шойгу в Министерство обороны стоит считать позитивным знаком. Во всяком случае, если развал армии и не прекратится, то будет идти все же в не столь экзотических формах, оставляющих меньше возможностей для серьезной социально-политической дестабилизации. Да и к решениям, превращающим армию в подобие офиса, а солдат — в подобие *офисного планктона*, новый министр будет, вероятно, менее склонен.

Однако действия С. К. Шойгу выглядят и по сути своей являются лишь элементами стабилизации ситуации, но не ее развития. Тогда как геэкономические реалии нового мира диктуют нам необходимость формирования действительно эффективного военно-силового потенциала. Очевидно, эта нехитрая мысль пока не достигла умов российских властителей. Хотя, судя по скромным реляциям с мартовских учений на Черном море, дела там пошли не так блистательно, как это планировало наше политическое и военное руководство.

Тем не менее с уходом А. Э. Сердюкова становится необходимым обсуждение российской военной политики. В основу этой дискуссии, вероятно, должна лечь гипотеза о принципиальной допустимости крупного регионального конфликта в форме столкновения с сопредельным государством или интервенции в отношении России. Думаю, следует признать ошибкой исключение этого типа конфликтов из российского военного планирования, произошедшее как раз в середине 2000-х гг. и внешне подтвержденное ходом августовской войны с Грузией. В конце концов разработка новой российской военной политики должна завершить этап метаний, характерных для последних 7–8 лет.

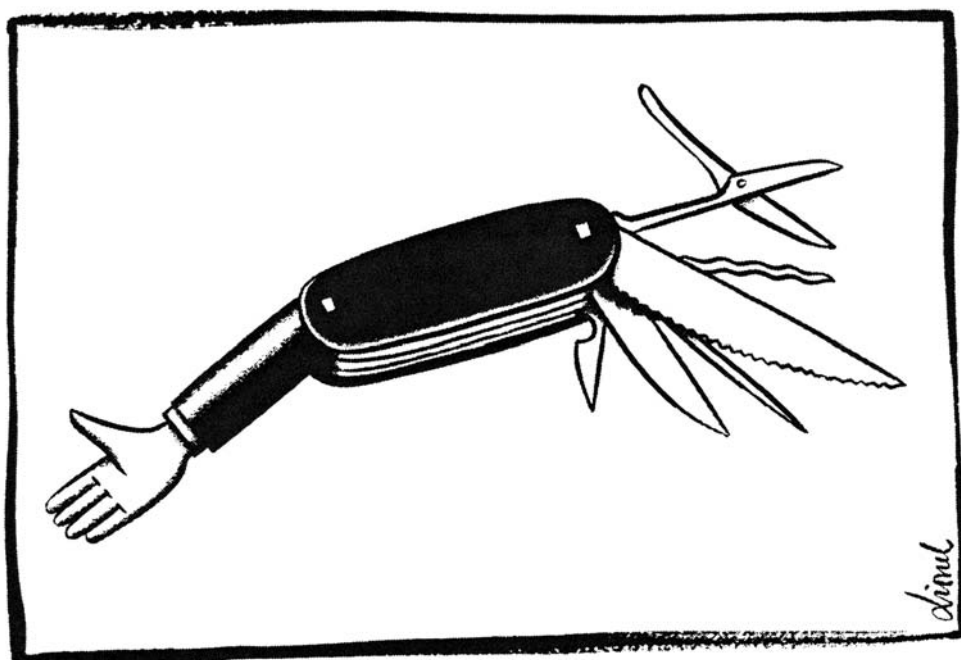
В связи с этим возникают четыре основных аспекта, которые нуждаются в разработке и вокруг которых затем должно развиваться российское военное строительство.

Первое. Необходима четкая и однозначная декларация тех условий, при которых Россия пойдет на применение военной силы за пределами своей территории, в том числе для выполнения союзнических обязательств. Прозрачность и понятность в данном вопросе пойдут на пользу всем, тем более что ревизия военно-политических обязательств России перед различными странами назрела уже давно. Это будет важным фактором, как укрепляющим предсказуемость российской политики для внешнего мира, так и постепенно приучающим отечественную политическую элиту к ответственности за свои слова.

Второе. Необходима разработка новой российской ядерной доктрины, которая просто обязана обозначать принципиально новое место для субстратегических ядерных боеприпасов. Российское ядерное оружие вновь должно стать эффективным военным инструментом, а не только политическим явлением. И это также существенно изменит геополитический расклад вокруг России.

Третье. Вероятно, придется ответить на вопрос о численности российских вооруженных сил на обозримую перспективу и об адекватном соотношении профессионального и призывного контингента. Причем ответ должен содержать учет мобилизационных возможностей, поскольку все меньше и меньше уверенности в том, что Россия сможет абсолютно на все военные вызовы отвечать армией мирного времени.

Четвертое. Адекватна ли принятая не так давно бригадная организация российских сухопутных войск? Априори ничего дурного в такой организации нет, осо-

Lionel Portier. *Hypocrisy*

Классическим примером того вновь образованного *полюса силы при хозяине* является нынешняя Франция, которую несколько лет назад многие поторопились списать с геополитических счетов. И хотя фигура уровня Шарля де Голля или даже Франсуа Миттерана в теперешней политической системе Франции просто невозможна, Париж получил право на *вторую геополитическую молодость* в пределах отведенной ему Вашингтоном *сферы влияния*. Чем это в долгосрочной перспективе закончится для Франции — не ясно, однако в кратко- и среднесрочной перспективе позиции Франции выглядят вполне солидными.

Ключевой вопрос, на который я затрудняюсь дать уверенный ответ: сократился или увеличился уровень глобальной военной опасности за последние полгода в связи с формированием указанной системы? Глядя на ситуацию в Сирии, засвидетельствовать сокращение уровня военной угрозы нельзя. Понятно, что ситуация на Корейском полуострове развивается за рамками системы *империализм 2.0*. Однако нельзя исключать, что со временем данная система поможет ограничить масштабы применения вооруженной силы со стороны контролируемых Вашингтоном *полюсов силы* без согласия *сюзерена*. Особенно если сформируется система обязательств новой *метрополии* перед своими *государствами-преторианцами*. Правда, на пути к этому относительно *светлому завтра* не исключены, а скорее предначертаны масштабные кровопускания.

У России в этом контексте всего две, но очень существенные проблемы: отсутствие у руководства *чувства времени*, что побуждает использовать исключительно прежние модели поведения, и катастрофически нарастающее технологическое и инфраструктурное отставание. В какой-то мере негативную роль сыграл и определенный *угар суверенизации*, когда восстановление контроля национального правительства над политикой государства (сам по себе исключительно отрядный

факт) начал восприниматься как некая панацея, обеспечивающая защищенность страны от воздействия внешнеэкономических факторов.

Начавшийся в России коллапс *газовой геополитики* лишь подчеркивает отсутствие внятной стратегической линии, а фактический провал последней встречи БРИКС ставит уже не вопросительный, а восклицательный знак. Беда только в том, что российская элита, погнавшаяся за пресловутой *стабильностью*, даже не понимает до конца, что происходит в сегодняшнем мире. Не понимает она и того, что стабильность без развития существует только в одном месте: на кладбище.

Дмитрий Евстафьев

Примечания

¹ «Рособоронэкспорт» похвалился ростом мировых поставок и рассказал, как вооружает воюющие Сирию и Мали. *NEWSru.com*. 2013, 13 февраля. <http://newsru.com/russia/13feb2013/rosoboron.html> (последнее посещение — 17 апреля 2013 г.).

² Велизаде Ильгар. Ахмадинежад уходит. *Независимая Газета*. 2013, 30 января.

³ Строкань Сергей. Иранский атом крепчает. *Коммерсант*. 2013, 25 февраля.

⁴ Нетаньяху Биньямин: Иран остановит только военная угроза. *Euronews*. 2013, 5 марта. <http://ru.euronews.com/2013/03/05/israel-sharpens-its-tone-towards-iran> (последнее посещение — 17 апреля 2013 г.).

⁵ О возрасте старших членов правящей в Саудовской Аравии семьи можно судить с известной долей осторожности. В 1930–1940-е годы, время рождения ныне здравствующих сыновей основателя Королевства Абдул-Азиза ибн Сауда, никто не заботился о том, чтобы точно фиксировать даты рождения детей от его многочисленных жен.

⁶ Другое название — Совет по принесению клятвы.

⁷ Remarks by Vice-President Joe Biden to the Munich security conference. The White House. Office of the Vice President. 2013, February 2. <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2013/02/02/remarks-vice-president-joe-biden-munich-security-conference-hotel-bayeri> (последнее посещение — 17 апреля 2013 г.).

⁸ В Кремле считают позитивными сигналы от администрации Обамы. *РИА Новости*. 15 апреля 2013 г., <http://ria.ru/politics/20130415/932701934.html#13678328866513&message=resize&relto=register&action=addClass&value=registration#ixzz2SVlcRUZt> (последнее посещение — 17 апреля 2013 г.).

⁹ “The discussions were comprehensive and constructive. [...] We disagree on some matters, and we are able to cooperate and agree on others”. Press Briefing by Press Secretary Jay Carney. The White House. Office of the Press Secretary. April 15, 2013., <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2013/04/15/press-briefing-press-secretary-jay-carney-4152013> (последнее посещение — 17 апреля 2013 г.).

¹⁰ New START Treaty Aggregate Numbers of Strategic Offensive Arms. Fact Sheet. Bureau of Arms Control. Verification and Compliance. US Department of State. 2012, November 30. <http://www.state.gov/t/avc/rls/201216.htm> (последнее посещение — 17 апреля 2013 г.).

¹¹ Стратегическое ядерное вооружение России, <http://www.russianforces.org/> (последнее посещение — 17 апреля 2013 г.) Приведенные цифры выглядят вполне правдоподобными; даже если они отличаются от реальных характеристик российского стратегического потенциала на несколько единиц в ту или иную сторону, это не влияет на принципиальные выводы.

¹² 1) В Северодвинске начались испытания «Владимира Мономаха». *Lenta.ru*. 2013, 18 января. <http://lenta.ru/news/2013/01/18/trials/> (последнее посещение — 17 апреля 2013 г.).

2) Первая серийная АПЛ проекта «Борей» приступила к ходовым испытаниям. *Lenta.ru*. 2011, 24 октября. <http://lenta.ru/news/2011/10/24/borealis> (последнее посещение — 17 апреля 2013 г.).

Ы
В
Р
О
У
С
С
Б
Е
О
Л
Р
О
П
Х
Ы
В
О
Р
И
М

3) «Владимир Мономах» сойдет со стапеля. Севмаш. 2012, 26 декабря. <http://www.sevmash.ru/rus/index.php> (последнее посещение — 17 апреля 2013 г.).

4) В Северодвинске заложили четвертую подлодку проекта «Борей». *Lenta.ru*. 2012, 30 июля. <http://lenta.ru/news/2012/07/30/vladimir/> (последнее посещение — 17 апреля 2013 г.).

¹³ Complete List of All U.S. Nuclear Weapons. Federation of American Scientists. <http://nuclearweaponarchive.org/Usa/Weapons/Allbombs.html> (последнее посещение — 17 апреля 2013 г.).

¹⁴ Черненко Елена, Сафронов Иван. Разоружение замедленного действия. *Коммерсант*. 2013, 16 февраля. <http://www.kommersant.ru/doc/2127445?isSearch=True> (последнее посещение — 17 апреля 2013 г.).

¹⁵ В правовой системе США есть два понятия: *международный договор* [treaty] и *исполнительное соглашение* [executive agreement]. Договор подлежит ратификации в Сенате двумя третями голосов. Исполнительные соглашения делятся на *конгрессистские* и *президентские*. Первые заключаются на основе принятых Конгрессом законов или ратифицированных международных договоров и подлежат одобрению в Конгрессе простым большинством. Вторые заключаются президентом на основе его конституционных прерогатив и не подлежат обязательной ратификации. Однако Конгресс может принять закон, обязывающий президента представить то или иное исполнительное соглашение на ратификацию. См.: Осминин Борис. Принятие и реализация государствами договорных обязательств. М., 2006. С. 222–223.

¹⁶ Черненко Елена. Прорыв по ПРО. *Коммерсант*. 2013, 26 февраля. <http://www.kommersant.ru/doc/2135295> (последнее посещение — 17 апреля 2013 г.).

¹⁷ Лавров опроверг обмен декларациями по вопросу ПРО. *Lenta.Ru*. 2013, 26 февраля. www.lenta.ru/news/2013/02/26/lavrov/ (последнее посещение — 17 апреля 2013 г.).

¹⁸ “We are restructuring the SM-3 IIB program [...] The timeline for deploying this program had been delayed to at least 2022 due to cuts in congressional funding”. Missile Defense Announcement As Delivered by Secretary of Defense Chuck Hagel. The Pentagon. 2013, March 15. <http://www.defense.gov/Speeches/Speech.aspx?SpeechID=1759> (последнее посещение — 17 апреля 2013 г.).

¹⁹ The European Phased Adaptive Approach at a Glance. Arms Control Association. 2013, February. <http://www.armscontrol.org/factsheets/Phasedadaptiveapproach> (последнее посещение — 17 апреля 2013 г.).

²⁰ По данным независимых американских экспертов перехватчики *SM-3 Block IIA* имеют скорость в конце разгонного участка 4,5 км/с, тогда как у их предшественников — перехватчиков *SM-3 Block IB* — эта скорость равна 3 км/с. Предполагается, хотя официального подтверждения этому нет, что *SM-3 Block IIB* должны разгоняться до 5–5,5 км/с. См.: The European Phased Adaptive Approach at a Glance...

²¹ Белянинов Кирилл, Черненко Елена. США меняют прописку ПРО. *Коммерсант*. 2013, 18 марта. <http://www.kommersant.ru/doc/2148848> (последнее посещение — 17 апреля 2013 г.).

²² Kristensen Hans M. Options for Reducing Nuclear Weapons Requirements. FAS Strategic Security Blog. 2013, February 11. <http://www.fas.org/blog/ssp/2013/02/nukeoptions.php> (последнее посещение — 17 апреля 2013 г.).